

«— Так нельзя, Дунхай! Нельзя оставлять Сяоси одного! — взволнованно заговорила Е Цзяюй. — Я места себе не нахожу. А если его на улице кто-нибудь ударит до крови? Без экстренной помощи он же просто истечет кровью и умрет!»

Е Цзяюй и без того едва сдерживала слезы, глядя на экран смартфона, где транслировали изнуренного, бледного Сяоси. А когда она вспомнила о его опасном недуге, то и вовсе потеряла покой — усидеть на месте стало выше ее сил.

Фу Дунхай попытался удержать супругу за руку:

«— Ну к чему эта паника? Парень на съемках. Даже если мы захотим его забрать, придется дожидаться окончания эфира».

«— Какого еще окончания?! — Е Цзяюй уставилась на мужа округлившимися от изумления глазами. — Его там едва не покалечили, а ты хочешь, чтобы он продолжал сниматься?»

Под ее обвиняющим взглядом Фу Дунхай заерзал, и его голос заметно притих.

«— Ну хорошо, пусть он уедет. Но Янъян-то остается! Ты о родном сыне подумай».

В отличие от жены, Фу Дунхай никогда не испытывал к приемному сыну глубоких чувств. Да, привычка была, но не более. И теперь, когда нашелся его единокровный наследник, все мысли отца были заняты исключительно Инь Цзяояном.

Естественно, Фу Дунхай не собирался на исходе лет передавать семейное дело чужому человеку. Едва Цзяоян вернулся в лоно Семьи Фу, отец прямо заявил: преемником станет его родной сын.

Сяоси тогда случайно подслушал этот разговор. Именно после этого в доме и начались бесконечные скандалы.

Фу Дунхай считал приемыша неблагодарным эгоистом. Семья Фу вырастила его, дала все необходимое — чего ему еще не хватало? А Янъян, родная кровь, двадцать лет мыкался по чужим углам и терпел лишения. Вместо того чтобы устыдиться и уступить, Сяоси закатывал истерики и посягал на чужое наследство. Такого нахальства глава семейства сносить не собирался.

Поначалу он не планировал выставлять парня за дверь. Но амбиции Сяоси росли как на дрожжах, и в какой-то момент его козни стали угрожать безопасности Цзяояна. Тогда-то Фу Дунхай, не выдержав, в гневе отрекся от приемного сына и выставил его вон.

Разумеется, сейчас возвращать смутьяна обратно главе семейства очень не хотелось.

Он подозревал, что все эти страдания на камеру — лишь очередная уловка, чтобы вызвать жалость. Кто знает, какую пакость этот негодник выкинет, едва переступив порог?

Поэтому Дунхай лишь пытался успокоить жену пустой болтовней, обещая вернуться к этому разговору, когда шоу закончится.

Е Цзяюй оставалось лишь недовольно вздохнуть — спорить сейчас было бесполезно.

В каюте Сяоси по-прежнему сидел, запрокинув голову. Цзяоян так и не вернулся к своей удочке на палубе — он остался рядом, обеспокоенно наблюдая за каждым его движением.

Спустя пару минут он осторожно вытащил бумажный тампон из ноздри юноши. Белая салфетка насквозь пропиталась багровой кровью.

Сяоси потянулся было почесать нос, но Цзяоян тут же перехватил его запястье.

«— Не трогай. Опять пойдет».

Юноша послушно замер и, вернув голову в нормальное положение, шмыгнул носом, глядя на сидящего напротив спасителя.

«— Ну что, течет?» — спросил он.

Сам он мало что понимал — в носу хлюпало так, словно у него начался жуткий насморк.

Цзяоян некоторое время всматривался в его лицо, после чего неуверенно произнес:

«— Вроде бы перестало».

Стоило ему договорить, как Сяоси почувствовал, что по губе снова побежала теплая струйка.

«— Черт! Бумагу, бумагу давай!» — запаниковал он, снова резко запрокидывая голову.

Но среагировать вовремя они не успели — капля крови уже скользнула по подбородку.

Цзяоян торопливо стер ее чистой салфеткой и снова аккуратно зажал ему ноздрю бумажным жгутом.

«— Почему она никак не останавливается? — молодой человек нахмурился, его лицо сделалось пугающе серьезным. — Так не пойдет. Нужно что-то делать».

Сяоси лишь обреченно вздохнул:

«— А что тут сделаешь? Сразу я не умру, так что пускай пока так побудет».

Дело было не в том, что он пренебрегал собственной жизнью. Просто его желания здесь ничего не решали — все зависело от съемочной группы. Судно дрейфовало посреди открытого моря. Не бросаться же ему в воду и не плыть к берегу самому? Так он точно быстрее на тот свет отправится.

Пока Сяоси предавался этим безрадостным мыслям, Цзяоян внезапно поднялся, вышел из каюты и обратился к стоящим на палубе операторам:

«— Мы можем повернуть обратно?»

«— В принципе, да, — ответил один из сотрудников. — Но ваше задание не будет выполнено. Вы уверены, что хотите прервать съемку?»

«— Да. Разворачивайте лодку», — без колебаний отрезал Цзяоян.

Шэнь Е с самого начала внимательно следил за происходящим. Он прекрасно слышал их недавний спор в каюте и знал, что кровь у Сяоси никак не останавливается. Однако, когда Цзяоян вышел на палубу, актер напустил на себя крайне озабоченный и непонимающий вид:

«— Что случилось?»

Сидевший в стороне Чу Цзэянь, который все еще дулся из-за недавней размолвки, тоже поднял голову.

«— Придется прервать задание, — объяснил Цзяоян. — У Сяоси не останавливается кровь, его нужно срочно везти в больницу».

«— Так пусть сам и возвращается! Зачем нам всем из-за него съемку срывать? — тут же вскипел Цзэянь. — Подумаешь, кровь из носа пошла! Из-за такой ерунды в больницу бежать? Никогда не видел настолько изнеженных девиц в мужском обличье!»

Сяоси отчетливо слышал каждое слово из каюты, но связываться с этим придурком у него не было ни малейшего желания. Главного он уже добился.

Зато Цзяоян молчать не стал. Смерив Цзэяня ледяным взглядом, он сухо процедил:

«— Позволь напомнить: кровь у него пошла после твоего удара».

Затем он повернулся к Шэнь Е:

«— Брат Е, если хочешь продолжить испытание, можешь остаться. Я заберу Сяоси и вернусь на берег».

«— Я поеду с вами, — тут же отозвался Шэнь Е. — В конце концов, это ведь даже не наше задание».

При этих словах присутствующие мгновенно вспомнили, что улов предназначался именно для пары Цзэяня и Сяоси. Только они двое должны были получить за него продукты. Шэнь Е и Цзяоян вызвались помочь исключительно по доброте душевной.

Зрители в чате тут же оживились:

— Ох, если бы брат Е не напомнил, я бы и сама забыла!

— Точно! Янъян и Шэнь Е просто пришли помочь, а само испытание должны были проходить этот придурок Чу и Сяогоу!

— Ну и комедия! Чу Цзэянь сам избил своего напарника так, что тот истекает кровью, а теперь, когда пострадавший уезжает, ему придется отдуваться в одиночку. Сам себе свинью подложил!

— Сработал закон кармы, не иначе!

— Слушайте, а мне одной кажется, или Янъян действительно слишком уж сильно переживает за нашего песика?

— Плюс один! Тоже заметила.

Цзэянь изначально надеялся, что Цзяоян просто бросит Сяоси и тот уплывет один. Так на лодке наконец-то не осталось бы раздражающих его лиц.

Но реальность оказалась суровее: мало того что Цзяоян собрался уезжать вместе с побитым приемным сыном, так еще и Шэнь Е решил составить им компанию.

Терпеть общество съемочной группы в гордом одиночестве Цзэянь не собирался и тут же заявил, что тоже возвращается.

Однако режиссерская группа быстро остудила его пыл.

«— Сопровождать Сяоси на берег может только один человек, — объявил представитель персонала. — Двое оставшихся обязаны остаться и завершить испытание».

И, выдержав паузу, безжалостно добавил:

«— Директор Чу, вы остаетесь в любом случае. Это задание вашей команды».

Услышав этот вердикт, Сяоси, притаившийся в каюте, не выдержав, весело расхохотался.

Цзэянь, у которого и без того внутри все кипело от злости, от этого глумливого смеха окончательно потерял самообладание.

«— Фу Сяоси! — взревел он».

Но юноша не остался в долгу и тут же крикнул в ответ:

«— Чего раскудахтался? Ты сам мне нос разбил, так что теперь пеняй на себя!»

Цзэянь аж задохнулся от ярости. Проклятье! Злость душила его так, что слова не шли с языка.

<http://bllate.org/book/19819/1995911>